

Лариса Журавлёва,

воспитатель, дошкольное отделение ЦО «Школа самоопределения №734»
им. А. Тубельского, г. Москва

ВОТ ТАКАЯ МИЗАНСЦЕНА

Две идеи для праздника

«СНИТСЯ МНЕ САД...»

Хорошо я пою. Мне нравится. И моя жизнь в дни репетиций наполнена ужасно интересным для меня делом. Мне нескучно в метро – я учу слова и пою ноты:

Снится мне сад в подвенечном уборе,
В том саду мы с тобою вдвоём.
Звёзды на небе, звёзды на море,
Звёзды и в сердце моём...

Но концерт, где зрители – трёх-, четырёх- и пяти-летние дети – это отдельная история. Так вот, значит, полный зал таких детей – а им без шуток и невзирая на возраст, поют всякое там про любовь и душевные терзания. Очень благодарные слушатели и воспитанные они у нас – слушают тихо. Но детство-то никуда не денешь...

Вот выхожу я петь. И главное было знаете что? Не слова не забыть – их я забывала накануне перед взрослыми на балу. Главное было, не смотреть в зал. Потому что там – Димка сидит тихо, но – засунув всю пятерню в рот, Юлия хвастается (тоже молча, заметьте) юбочкой перед Сашкой, машет ею, как вентилятором.

А один мальчик просто падал со стула на каждом припеве. Воспитатель ему помогал обратно сесть, но через некоторое время он опять туда падал – прямо под стул. Львиная доля моей энергии пошла на то, чтобы сдерживать смех.

Зато теперь, когда эта картинка всплывает у меня в памяти, мне очень весело и трогательно. И ещё я очень горжусь тогда нашим садом, где вот так вот, не занимая планку, дают детям Баха, Бетховена, Мусоргского.

А чего стоит это прекрасное сочетание: «Трудно дышать. Эта ночь, опьянённая, сладкой истомы полна...» – и Матвей падает со стула! Вот такая мизансцена. И режиссёр её кто? Весь этот странный коллектив нашего детского сада.

И нельзя сказать, что у нас отсутствует анализ, самоанализ и рефлексия. Все всё видят и за кулисами говорят: да, мол, не надо бы маленьких на такой концерт. В следующем году, мол, это надо учесть. Но... в следующем году... мы не забудем всё, нет. Просто не сможем мы лишиться очередного трёхлетнего Тимошу счастья падать со стула под звуки скрипки или саксофона, под музыку Чайковского или стихи Мандельштама! Не так воспитаны!

«ГУДВИН ЖИВ»

Репетируем новогоднюю сказку. Волшебника Изумрудного города играют трое – это ростовая кукла. Ира – левая рука волшебника, Лена – правая, Катя – голова. Анатолий Иванович – режиссёр.

Я сижу, записываю фразочки, так как до моей роли Дровосека ещё не дошли.

- Ой, нога падает, надо подвязать!
- Может, вам другими ногами работать?
- Ну, верни её на место.
- Сейчас. Только она теряется.
- Кате-то хорошо – она работает головой. Она её в руках держит.

- Мы же ещё хотели голову оторвать!
- Забыли.

Анатолий Иванович:

- Сейчас сделаем.
- Может, чёрные чулки на лица наденем?
- Да что вы, девчонки! Знаете, какие вы красивые на его фоне!

Первая репетиция, что ж... И волшебник Изумрудного города танцует то степ, то «яблочко», то танго – то под французский аккордеон, то под джаз – блюз. Это невозможно описать, это надо видеть.

Да!.. Ира и Лена – ещё ведь и ноги волшебника Изумрудного города – левая и правая. Ой, нет – правая и левая. Впрочем, ноги они тоже всё время меняли во время репетиции. Пробовали, какая им удобнее.

То ли дело Кате с головой – легко. Она одна. Надо только не путать, в какую сторону смотреть и наклоняться. И не отрывать её лишний раз от шеи – когда не надо.

Да, было ещё такое движение, которое называлось «Народ к разврату готов!» – кажется, это был шейк.

И итоговая фраза режиссёра: «Грязно, но... понятно».

В общем, Гудвин жил, Гудвин жив, Гудвин будет жить. И у нас в сказке их будет три. Но это пока секрет.